

A black and white illustration of a battle scene. In the foreground, a soldier in a dark uniform is crouching, holding a rifle. Behind him, a group of soldiers on horseback are engaged in combat. The background shows more soldiers and horses, some on foot and some on horseback, in a chaotic battle. The style is reminiscent of a woodcut or a detailed drawing.

А. Тварговский

ВАСИЛИЙ
ТЕРКИН

1973

FENIXCLUB.COM

Переправа

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый,
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому тёмная вода, —
Ни приметы, ни следа.

Ночью, первым из колонны,
Обломав у края лёд,
Погрузился на понтоны.
Первый взвод.
Погрузился, оттолкнулся
И пошёл. Второй за ним.
Приготовился, пригнулся
Третий следом за вторым.

Как плоты, пошли понтоны,
Громыкнул один, другой
Басовым, железным тоном,
Точно крыша под ногой.

И плывут бойцы куда-то,
Притаив штыки в тени.
И совсем свои ребята
Сразу – будто не они,

Сразу будто не похожи
На своих, на тех ребят:
Как-то всё дружнее и строже,
Как до той дабы дорожки

А вода ревёт в теснине,
Жухлый лёд в куски крошит,
Меж погнутых балок фермы
Бьётся в пене и в пыли...

А уж первый взвод, наверно,
Достаёт шестом земли.

Позади шумит протока,
И кругом – чужая ночь.
И уже он так далёко,
Что ни крикнуть, ни помочь.

И чернеет там зубчатый,
За холодной чертой,
Неподступный, непочатый
Лес над чёрною водой.

Переправа, переправа!
Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый
В море вынесла волна.

Было так: из тьмы глубокой,
Огненный взметнув клинок,
Луч прожектора протоку
Пересёк наискосок.

И о нём молчат ребята
В боевом родном кругу,
Словно чем-то виноваты,
Кто на левом берегу.

Не видать конца ночлегу.
За ночь грудю взялась
Пополам со льдом и снегом
Перемешанная грязь.

И усталая с похода,
Что б там ни было, – жива,
Дремлет, скорчившись, пехота,
Сунув руки в рукава.

Дремлет, скорчившись, пехота,
И в лесу, в ночи глухой
Сапогами пахнет, потом,
Мёрзлой хвоей и махрой.

Чутко дышит берег этот
Вместе с теми, что на том
Под обрывом ждут рассвета,
Греют землю животом, —
Ждут рассвета, ждут подмоги,
Духом падать не хотят.

Ночь проходит, нет дороги
Ни вперёд и ни назад...

Может – так, а может – чудо?
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.

Долги ночи, жёстки зори
В ноябре – к зиме седой.

Два бойца сидят в дозоре
Над холодной водой.

То ли снится, то ли мнится,
Показалось что невесть,
То ли иней на ресницах,
То ли вправду что-то есть?

Видят – маленькая точка
Показалась вдалеке:
То ли чурка, то ли бочка
Проплывает по реке?

– Нет, не чурка и не бочка —
Просто глазу маета.

– Не пловец ли одиночка?

– Шутишь, брат. Вода не та!

– Да, вода... Помыслить страшно.

Даже рыбам холодна.

– Не из наших ли вчерашних

Поднялся какой со дна?..

Оба разом дружно шепотом

Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаюсь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает – свело.

Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.

Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?

Дали стопку – начал жить,
Приподнялся на кровати:
– Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём.
Что там есть, перекалечим,
Передраду обследуем.

На перевале

– Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колёсах прямо.
Суп – во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий – это точно.

Слышь, подкинь ещё одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.

Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладёт,
Молвит несердито:
– Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: – Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.

«Свой?» – бойцы между собой, —

«Свой!» – дерзко шепчутся

Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как миномётный
Вдруг начнётся сабантуй.
Тот проймёт тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это – средний сабантуй.

Сабантуй – тебе наука,
Враг лютует – сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это – главный сабантуй.

Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...

– Вот ты вышел спозаранку,
Глянул – в пот тебя и в дрожь;
Прут немецких тыща танков...
– Тыща танков? Ну, брат, врешь.

– А с чего мне врать, дружище?
Рассуди – какой расчёт?
– Но зачем же сразу – тыща?
– Хорошо. Пускай пятьсот,

– Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не думай про старых баб

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

И несмело у него
Просят: – Ну-ка, на ночь
Расскажи ещё чего,
Василий Иваныч...

Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костёр дымится.

– Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.

К рукаву припав лицом,
На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лёг Василий Тёркин.

Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша – небо, хата – ель,
Корни жмут под рёбра.

Но не видно, чтобы он
Удручён был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Бла-шбыть не спето

До чего земля большая,
Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то – своя.

Спит герой, храпит – и точка.
Принимает всё, как есть.
Ну, своя – так это ж точно.
Ну, война – так я же здесь.

Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впóкат,
Часовые на постах
Мокнут одиноко.

Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнётся.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнётся.

И как будто сон пропал,
Смех дрогнул зевоту.

– Хорошо, что он попал,
Тёрши в ночном лесу

С этой темы повернём,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!

В строй с июня, в бой с июля,
Снова Тёркин на войне.

– Видно, бомба или пуля
Не нашлась ещё по мне.

Был в бою задет осколком,
Зажило – и столько толку.
Трижды был я окружён,
Трижды – вот он! – вышел вон.

И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнём косым, трёхслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблён...

Теркин–Теркин

Чья-то печка, чья-то хата,
На дрова распилен хлев...
Кто назябся – дело свято,
Тому надо обогрев.

Дело свято – чья там хата,
Кто их нынче разберёт.
Грейся, радуйся, ребята,
Сборный, смешанный народ.

На полу тебе солома,
Задремалось, так ложись.
Не у тёщи, и не дома,
Не в раю, однако, жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,
Приподняв, глядит на свет.
Всю ощупывает строго, –
Узнаёт – его иль нет.

Тот, шинель смахнув без страху,
Высоко задрав рубаху,
Прямо в печку хочет влезть.
– Не один ты, братец, здесь.
– Отслонитесь, хлопцы.

Темень...
– Что ты, правда, как тот немец.
– Нынче немец сам не тот.

– Ну, брат, он ещё даёт,
Отпускает, не скупится...
– Всё же с прежним не сравнится, –
Снял сапог с одной ноги.
– Дело ясное, – беги!
– Охо-хо Война ребятки

– Про тебя? –
Без оговорки
Тот опять:
– Само собой.
– Почему?
– Так я же Тёркин.

Это слышит Тёркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Тёркину. К тому.

Люди вроде оробели:
– Тёркин – лично?
– Я и есть.
– В самом деле?
– В самом деле.
– Хлопцы, хлопцы, Тёркин здесь!

– Не свернёте ли махорки? –
Кто-то вытащил кiset.
И не мой, а тот уж Тёркин
Говорит:
– Махорки? Нет.

Тёркин мой – к огню поближе,
Отгибает воротник.
Поглядит, а он-то рыжий –
Тёркин тот, его двойник.

Если б попросту махорки
Тёркин выкурил второй,
И не встрял бы, может, Тёркин,
Премудрый бы мой дедой

– Да кто их знает, –
Не написано на лбу.

Из кармана гимнастёрки
Рыжий – книжку:
– Что ж я вам...

– Точно: Тёркин...
– Только Тёркин
Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,
Тот ответил моему:

– Ты пойми, что рифмы ради
Можно сделать хоть Фому.

Этот выдохнул затяжку:
– Да, но Тёркин-то – герой.

Тот шинелку нараспашку:
– Вот вам орден, вот другой,
Вот вам Тёркин-бронбойщик,
Верьте слову, не молве.
И машин подбил я больше –
Не одну, а целых две...

Тёркин будто бы растерян,
Грустно щурится в огонь.
– Я бы мог тебя проверить,
Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:
– Гармонь найдётся,
Есть у старшего.

Но прощ

Молвит Тёркин:

– Сделай милость,
Будь ты Тёркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...;

А тот:

– Зачем?..

– Кто же Тёркин?

– Ну и лихо!.. –

Хохот, шум, неразбериха...

Встал какой-то старшина

Да как крикнет:

– Тишина!

Что вы тут не разберёте,

Не поймёте меж собой?

По уставу каждой роте

Будет придан Тёркин свой,

Слышно всем? Порядок ясен?

Жалоб нету? Ни одной?

Разойдись!

И я согласен

С этим строгим старшиной.

Я бы, может быть, и взводам

Придал Тёркина в друзья...

Впрочем, все тут мимоходом

К разговору вставил я.

Теркин ранен

На могилы, рвы, канавы,
На клубки колючки ржавой,
На поля, холмы – дырявой,
Изувеченной земли,
На болотный лес корявый,
На кусты – снега легли.

И густой позёмкой белой
Ветер поле заволок.
Вьюга в трубах обгорелых
Загудела у дорог.

И в снегах непроходимых
Эти мирные края
В эту памятную зиму
Орудийным пахли дымом,
Не людским дымком жилья.

И в лесах, на мёрзлой груди,
По землянкам без огней,
Возле танков и орудий
И простуженных коней
На войне встречали люди

Долгий счёт ночей и дней.

И лихой, нещадной стужи
Не бранили, как ни зла:
Лишь бы немцу было хуже,
О себе ли речь там шла!

Вслед за ротой на опушку
Тёркин движется с катушкой,
Разворачивает снасть, —
Приказали делать связь.

Рота головы пригнула.
Снег чернеет от огня.
Тёркин крутит; – Тула, Тула!
Тула, слышишь ты меня?

Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдёт, —
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подаёт.

Командиру всё в привычку, —
Голос в горсточку, как спичку
Трубку книзу, лёг бочком,
Чтоб позёмкой не задуло.
Всё в порядке.
– Тула, Тула,
Помогите огоньком...

Не расскажешь, не опишешь,
Что́ за жизнь, когда в бою
За чужим огнём расслышишь
Артиллерию свою.

Воздух круто завивая,
С недалёкой огневой
Ахнет, ахнет подкороет

Вдруг из кустиков корявых,
Взрытых, вспаханных кругом, —
Чох! – снаряд за вспышкой ржавой.
Тёркин тотчас в снег – ничком.

Вдался вглубь, лежит – не дышит,
Сам не знает: жив, убит?
Всею спиной, всею кожей слышит,
Как снаряд в снегу шипит...

Хвост овечий – сердце бьётся.
Растаётся с телом дух.
«Что ж он, чёрт, лежит – не рвётся,
Ждать мне больше недосуг».

Приподнялся – глянул косо.
Он почти у самых ног —
Гладкий, круглый, тупоносый,
И над ним – сырой дымок.

Сколько б душ рванул на выброс
Вот такой дурак слепой
Неизвестного калибра —
С поросёнка на убой.

Оглянулся воровато,
Подивился – смех и грех:
Все кругом лежат ребята,
Закопавшись носом в снег.

Бьют неплохо, спору нету,
Добрым словом помяни
Хоть за то, что погреб этот
Прочно сделали они.

Прочно сделали, надёжно —
Тут не то что воевать,
Тут, ребята, чай пить можно,
Стенгазету выпускать.

Осмотрелся, точно в хате:
Печка тёплая в углу,
Вдоль стены идут полаты,
Банки, склянки на полу.

Непривычный, непохожий
Дух обжитого жилья:
Табаку, одежды, кожи
И солдатского белья.

Снова сунутся? Ну что же,
В обороне нынче – я...
На прицеле вход и выход,
Две гранаты под рукой.

Смолк огонь. И стало тихо.
И идут – один, другой...

Тёркин, стой. Дыши ровнее.

Тёркин, бдище подвину

Сам присел, присел тихонько.
Повело его легонько.
Тронул правое плечо.
Ранен. Мокро. Горячо.

И рукой коснулся пола;
Кровь, – чужая иль своя?

Тут как даст вблизи тяжёлый,
Аж подвинулась земля!

Вслед за ним другой ударил,
И темнее стало вдруг.

«Это – наши, – понял парень, —
Наши бьют, – теперь каюк».

Оглушённый тяжким гулом,
Тёркин никнет головой.
Тула, Тула, что ж ты, Тула,
Тут же свой боец живой.

Он сидит за стенкой дзота,
Кровь течёт, рукав набряк.
Тула, Тула, неохота
Помирать ему вот так.

На полу в холодной яме
Неохота штыкём

И пускай в бою впервые,
Но ребята – свет пройди,
Ловят в щели смотровые
Кромку поля впереди.

Видят – вздыбился разбитый,
Развороченный накат.
Крепко бито. Цель накрыта.
Ну, а вдруг как там сидят!

Может быть, притих до срока
У орудия расчёт?
Развернись машина боком —
Бронебойным припечёт.

Или немец с автоматом,
Лезть наружу не дурак,
Там следит за нашим братом,
Выжидает. Как не так.

Двое вслед за командиром
Вниз – с гранатой – вдоль стены.
Тишина. – Углы темны...

– Хлопцы, занята квартира, —
Слышат вдруг из глубины.

Не обман, не вражьи шутки,
Голос вправдашний, родной:

Посебита. Посебита.

O награде

– Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль.

На медаль. И то не к спеху.
Вот закончили б войну,
Вот бы в отпуск я приехал
На родную сторону.

Буду ль жив ещё? – Едва ли.
Тут воюй, а не гадай.
Но скажу насчёт медали:
Мне её тогда подай.

Обеспечь, раз я достоин.
И понять вы все должны:
Дело самое простое —
Человек пришёл с войны.

Вот пришёл я с полустанка
В свой родимый сельсовет.
Я пришёл, а тут гулянка.
Нет гулянки? Ладно, нет.

Я в другой колхоз и в третий —
Вся округа на виду.
Где-нибудь я в сельсовете
На гулянку попаду.

Ждёт девчонка, хоть не мучай,
Слова, взгляда твоего...

– Но, позволь, на этот случай
Орден тоже ничего?
Вот сидишь ты на вечерке,
И девчонка – самый цвет.

– Нет, – сказал Василий Тёркин
И вздохнул. И снова: – Нет.
Нет, ребята. Что там орден.
Не загадывая вдаль,
Я ж сказал, что я не гордый,
Я согласен на медаль.

//-- * * * --//

Тёркин, Тёркин, добрый малый,
Что тут смех, а что печаль.
Загадал ты, друг, немало,
Загадал далёко вдаль.

Были листья, стали почки,
Почки стали вновь листвою.
А не носит писем почта
В край родной смоленский твой.

Где девчонки, где вечерки?
Где родимый сельсовет?
Знаешь сам, Василий Тёркин,
Что туда дороги нет.

Нет дороги, нету доро...

На Днепре

За рекой ещё Угрою,
Что осталась позади,
Генерал сказал герою:
– Нам с тобою по пути...

Вот, казалось, парню счастье,
Наступать расчёт прямой:
Со своей гвардейской частью
На войне придёт домой.

Но едва ль уже мой Тёркин,
Жизнью тёртый человек,
При девчонках на вечёрке
Помышлял курить «Казбек»...

Всё же с каждым переходом,
С каждым днём, что ближе к ней,
Сторона, откуда родом,
Земляку была больней.

И в пути, в горячке боя,
На привале и во сне
В нём жила сама собою
Речь к родимой стороне:

– Мать-земля моя родная,
Сторона моя лесная,
Приднепровский отчий край,
Здравствуй, сына привечай!

Так в пути, в горячке боя,
В суете хлопот и встреч
В нём жила сама собою
Эта песня или речь.

Но война – ей всё едино,
Все – хорошие края:
Что Кавказ, что Украина,
Что Смоленщина твоя.

Через реки и речонки,
По мостам, и вплавь, и вброд,
Мимо, мимо той сторонки
Шла дивизия вперёд.

А левее той порою,
Ранней осенью сухой,
Занимал село героя
Генерал совсем другой...

Фронт полнел, как половодье,
Вширь и вдаль. К Днепру, к Днепру
Кони шли, прося поводья,
Как с дороги ко двору.

И в пыли, рябой от пота,
Фронтовой смеялся люд:
Хорошо идёт пехота.
Раз колёса отстают.

Обнаружит в илах сонных,
Извлечёт из рыбьей мглы,
Как стволы дубов морёных,
Орудийные стволы;

Русский танк с немецким в паре,
Что нашли один конец,
И обоих полушарий
Сталь, резину и свинец;

Хлам войны – понтона днище,
Трос, оборванный в песке,
И топор без топорща,
Что сапёр держал в руке.

Может быть, куда как пуще
И об этом топоре
Скажет кто-нибудь в грядущей
Громкой песне о Днепре;

О страде неимоверной
Кровью памятного дня.

Но о чём-нибудь, наверно,
Он не скажет за меня.

Пусть не мне ещё с задачей
Было сладить. Не беда.
В чем-то я его богаче, —
Пустоты в лесу стоят, держащий

И ещё в разгаре боя,
Нынче, может быть, вот-вот,
Вместе с берегом, с землёю
Будет в воду сброшен взвод.

Впрочем, всякое привычно, —
Срок войны, что жизни век.
От заставы пограничной
До Москвы-реки столичной
И обратно – столько рек!

Вот уже боец последний
Вылезает на песок
И жуёт сухарь немедля,
Потому – в Днепре намок,

Мокрый сам, шуршит штанами.
Ничего! – На то десант.
– Наступаем. Днепр за нами,
А, товарищ лейтенант?..

Бой гремел за переправу,
А внизу, южнее чуть —
Немцы с левого на правый,
Запоздав, держали путь.

Но уже не разминуться,
Тёркин строго говорит:
– Пусть на левом в плен сдаются,
Здесь пока приём закрыт,

– Мать-земля моя родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что – не знаю,
Только ты прости меня!

Не в плену тебя жестоком,
По дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Оставляет Тёркин твой.
Минул срок години горькой,
Не воротится назад.

– Что ж ты, брат, Василий Тёркин,
Плачешь вроде?..
– Виноват...

От автора

«Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна...»

Тёркин, Тёркин, в самом деле,
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

И как будто оглушённый
В наступившей тишине,
Смолкнул я, певец смущённый,
Петь привыкший на войне.

В том беды особой нету:
Песня, стало быть, допета.
Песня новая нужна,
Дайте срок, придёт она.

Я сказать хотел иное,
Мой читатель, друг и брат,
Как всегда, перед тобою
Я, должно быть, виноват.

Больше б мог, да было к спеху,
Тем, однако, дорожи,
Что, случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

И, по совести, порою
Сам речею не рас, не про

От Москвы, от Сталинграда
Неизменно ты со мной —
Боль моя, моя отрада,
Отдых мой и подвиг мой!

Эти строки и страницы —
Дней и вёрст особый счёт,
Как от западной границы
До своей родной столицы,
И от той родной столицы
Вспять до западной границы,
А от западной границы
Вплоть до вражеской столицы
Мы свой делали поход.

Смыли вёсны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил
В первый раз, в последний раз.

С кем я только не был дружен
С первой встречи близ огня.
Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня.

Сколько их на свете нету,
Что прочли тебя, поэт,
Словно бедной книге этой
Много, много, много лет.

И скрепки — поминки скрепки

Толку нет, что, может статься,
У гармошки за душой
Весь запас, что на два танца, —
Разворот зато большой.

И теперь, как смолкли пушки,
Предположим наугад,
Пусть нас где-нибудь в пивнушке
Вспомнит после третьей кружки
С рукавом пустым солдат;

Пусть в какой-нибудь каптёрке
У кухонного крыльца
Скажут в шутку: «Эй ты, Тёркин!»

Про какого-то бойца;

Пусть о Тёркине почтенный
Скажет важно генерал, —
Он-то скажет непременно, —
Что медаль ему вручал;

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
– Вот стихи, а всё понятно,
Все на русском языке...

Я доволен был бы, право,
И – не гордый человек —
Ни на чём и ни на ком